

Слишком профессиональный Ашкенази

Россия, - 2003, - 29 мая, - с. 10

Не будь Владимир Ашкенази (дирижер, пианист, единственный концерт которого в Москве получил оглушительный резонанс) изначально «нашим», не окончи он в свое время Центральную музыкальную школу и консерваторию в придачу, мы бы так и считали его «дядей из-за океана», педантичным, вышколенным, с иголки строющим свое отношение к людям и к творчеству, с искрой в глазах и белозубой улыбкой. Американец. Профессионал. Бизнесмен. И все бы ему простилось.

Но что-то не так. 26-го на Большой Никитской был переаншлаг: Ашкенази — это марка, ничем себя не скомпрометировавшая (в смысле нечистых на руку делишек), Ашкенази — это серьезное творчество (его хрестоматийный Моцарт, хрестоматийный Бетховен). Люди шли валом. Да люди непростые.

Но первые минуты внесли смуту. Ашкенази заметил краем глаза фотографов, отвернулся от зала, забормотал: «Как же не стыдно фотографировать со вспышкой?» Сел за черный рояль «Бернштейн и сыновья». Все ждут. А он разволновался, посидел так с минуту, затем встал и ушел со сцены. Сидим. Объявление по радио: «Просьба к фотографам: со вспышкой не снимать!»

Ашкенази надо слушать ушами. Надо как минимум иметь консерваторское образование, чтобы оценить все тонкости его игры. Быть зрителем на таком концерте невозможно. Иначе вы увидите только гениального Ашкенази, а Моцарт останется где-то среди пыльных классиков. Увы. Чудеса его мастерства проявляются где-то на высотах овладения техникой. Сразу видишь картинку: еврейского мальчика, который часами упражнялся с инструментом. И теперь предьявляет счета. Его Моцарт — это выверенная сила удара кончиков пальцев по клавишам, которая на всех языках должна называться стандартом легкости и красоты, это та самая высокая мода, высокий стиль, к которому стремился Ашкенази всю жизнь. Да, он не то что не отказывается, а даже сам настаивает, что стеснялся эстрадного почерка отца. Мечтал о высоком. Домечтался. Высокое его наказало. Это эталон, плавающий в спирте или в формалине на вечные времена. Это — господин Ашкенази. Его концерт — это событие в вашей жизни, но простой человеческой любовью вы это событие вряд ли постигнете.

Не в упрек будет сказано, Ашкенази нервен или нервного играет. Он до конца вечера так и не смог забыть о стычке с фотографами, часто оглядывался, стараясь понять, в какой стороне они бродят... В какой-то момент это незначительное происшествие начинало даже веселить. В таком колоссальном внешнем напряжении, которым Ашкенази делился с залом, слушать ни Моцарта, ни Бетховена было невозможно. Его рука нет-нет да и шарилась по подбородку, привычка многих нервных людей... Вот какое насилие совершалось над ним, хотя он находил возможность даже чуть побравировать этим: вот-де я — недовольный, но сыграл без помарочки от ноты до ноты.

Отказался играть «бисы». Все хлопали-хлопали, оркестр «сесть — встать», он выходил-выходил, а потом сказал: «Времени было мало, «бисы» не подготовили, и, кстати, я стараюсь никогда их не играть — ладно бы это только меня касалось, но со мною оркестр, я не могу решать за него». Нехорошо как-то от этой мелочности. Ну что — оркестр? Это Рейкьявикский камерный оркестр из соответственно Исландии, ну когда он еще приедет в Россию? Почти одни женщины, красивые, в черных платьях, улыбаются, очень довольны приемом, уверен, они бы еще раз всю программу отыграли.

Свежим ветром подул один раз, когда в начале второго действия была премьера пятнадцатиминутной вещи исландского композитора Торкеля Сигурбьёрнссона MOSK (в переводе — «Мох»). Это было азартно — играть на возможностях скрипичных инструментов и на всеисилье самой природы. «Природа улыбается». Сам Торкель сидел в зале, его подхватили, вывели на сцену... MOSK очень понравился. Как и понравилось все остальное, если бы не мелочи, которые Ашкенази возвел в культ, но на них же и спотыкается.

Ян Смирницкий